

Роль лидеров в формировании внешнеполитической идентичности в Египте

И.Э. Ибрагимов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук

В современной теории международных отношений особенности формирования внешнеполитической идентичности государства привлекают интерес к этой научной проблеме, изучение которой способно дать понимание политической деятельности государства и его позиционирования на международной арене.

Процесс формирования внешнеполитической идентичности связан как с объективными, так и с субъективными факторами. К объективным следует относить географический, историко-культурный и религиозный, ключевым из субъективных факторов можно считать роль лидера. Данный фактор характерен для ближневосточных государств, особенно для Египта, где имеются традиции сильной централизованной власти. В рамках политического механизма египетские лидеры обладают верховной властью в принятии внешнеполитических решений, и внешняя политика Египта нередко обусловлена личными чертами и характеристиками лидеров страны.

Данная статья ставит целью изучить роль главы египетского государства при поисках внешнеполитической идентичности в условиях кризиса идентичности на национальном уровне. Египет имеет долгую историю авторитарного правления, поэтому отделить национальную идентичность от внешнеполитической невозможно. За период независимого существования каждая эпоха, имеющая собственный контекст, устанавливала различные рамки идентичности и мировоззрения лицам, принимающим решения в области внешней политики Египта. Преобладание различных элементов как идеологических, так и мировоззренческих в эпоху правления того или иного президента привели к заметным различиям во внешней политике Египта на нынешнем этапе.

В настоящей статье предпринята попытка ответить на следующие исследовательские вопросы: какое место занимает институт главы государства в принятии внешнеполитических решений? Насколько влияние лидера определяет внешнеполитическую роль государства? Какие изменения внешнеполитических акцентов и приоритетов произошли за исследуемый период? Каковы причины различий между основными периодами внешней политики Египта в целях, инструментах и подходах к внешнему миру?

Автор приходит к выводу, что в трансформациях внешнеполитического курса Египта важную роль играет смена политического лидера, несмотря на уникальные особенности и черты. В статье анализируются основные тенденции во внеш-

Поступила в редакцию: 11.06.2021 г.

Принята к публикации: 10.08.2021 г.

УДК: 329.73

неполитическом самовосприятии Египта с целью подтвердить гипотезу о том, что внешнеполитическая идентичность страны не претерпела разрыва преемственности даже в условиях драматических событий, будь то арабо-израильский конфликт, мирный договор с Израилем или события «арабской весны».

Ключевые слова: внешнеполитическая идентичность, роль лидера, Египет, внешняя политика, Ближний Восток.

Внешнеполитическая идентичность имеет ключевое значение при исследовании таких проблем, как особенности формирования внешнеполитического курса государства, восприятие внешней политики обществом и принятие внешнеполитических решений. Поиск государствами своей самобытности и уникальности во внешней политике связан с их представлениями о себе, своей особости и отличиях от «других», которые позволяют им выглядеть заметно и значимо¹.

Ближневосточные страны, претендующие на лидерство в регионе, активно используют внешнюю политику для подтверждения своего статуса ключевого игрока. Географическое положение, традиции, религия и историческое наследие оказывают определяющее воздействие на представления государств о собственной значимости, о врагах и партнёрах (Звягельская 2019: 93). Колоссальное влияние на внешнеполитическую стратегию стран оказывают их лидеры.

Последнее десятилетие можно охарактеризовать как время поиска Египтом своей внешнеполитической идентичности. Революция 2011 г. и события «арабской весны» ознаменовали новый период во внешнеполитической стратегии Египта. Те тенденции, которые формировались в течение всей современной истории страны, получают новый импульс к развитию. Политическая элита республики до сих пор находится в поиске своего внешнеполитического «я»: за долгие годы сформировано несколько моделей, которые сосуществуют, и время от времени то одна, то другая выдвигаются на первый план. Однако без сильного влияния со стороны лидера государства те или иные модели идентичности не могли бы развиваться.

Даже в случае расхождения политических воззрений главы государства с взглядами его предшественника внешняя политика страны не претерпевает существенных изменений. Арабская Республика Египет, чьи руководители формировали уникальное видение внешней политики, не является исключением. После «арабской весны» новому руководству пришлось в крайне сжатые сроки выстраивать отношения с соседями, определять векторы внешней политики,

¹ Идентичность: Личность, общество, политика. 2017. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Изд-во «Весь мир». 992 с. С. 465-466

необходимые для полноценного функционирования государства. В связи с этим роль политического лидерства оказалась первостепенной для формирования внешней политики страны.

Немногочисленные научные исследования, посвящённые самопозиционированию ближневосточных государств во внешней политике, в основном относятся к ключевым странам – Саудовская Аравия, Иран, Турция, Израиль. В последнее время проблема самоидентификации АРЕ на международной арене привлекает внимание научного сообщества как в Египте, так и за рубежом. Изучению египетской идентичности и её влияния на внешнюю политику посвящены заслуживающие внимания труды (Mellor 2015; Karawan 1994, 2005; Korany 2012; Telhamy; Barnett 2002; Sabet 2017; Ahmadian 2014). Имеются исследования, в которых проанализировано влияние отдельных лидеров на внешнюю политику Египта (Grimm, Roll 2012; Shalaby 1992; Khawaja 2013; Duman 2020). Исследователи отмечают преемственность внешней политики страны с 1952 г., притом, что каждый лидер демонстрировал своё видение египетской внешнеполитической самоидентификации. Проблематика внешней политики Египта широко освещена в зарубежной научной литературе, включая египетскую (Shama 2013; Hinnebusch 2003).

Традиционно изучению внешней политики «страны пирамид» уделяется особое внимание и в российской научной среде. Среди отечественных исследователей, изучающих связи Каира с внешним миром после получения в 1952 г. независимости, следует назвать таких видных авторов, как А.М. Васильев, В.Е. Титоренко, М.Л. Богданов, А.Б. Борисов, В.М. Виноградов.

Имеются исследования, посвящённые вопросам влияния лидера на формирование внешней политики и принятие внешнеполитических решений, типологии политического лидерства, взаимосвязям между личностью лидера и принимаемыми внешнеполитическими решениями (Hermann 1980, 1989; Херманн 1991; Dyson, Preston 2006). Проблемы политического лидерства в процессе формирования внешней политики рассматриваются в ряде отечественных публикаций (Дробот² 2018; Рожкова 2018; Семененко 2017). Комплексное исследование фактора идентичности во внутренней и внешней политике стран Ближнего Востока проведено в коллективной монографии под редакцией И.Д. Звягельской (Ближний Восток ... 2020).

Теоретико-методологической основой настоящей статьи выступает сравнительный анализ. Сравнение внешнеполитических курсов, проводимых президентами Г.А. Насером, А. Садатом, Х. Мубараком, М. Мурси и А.Ф. ас-Сиси, осуществляется с помощью трёх критериев:

- стиль внешнеполитического лидерства;

² Дробот Г.А. 1996. Роль личности в принятии внешнеполитических решений. *Обозреватель*. URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N04_96/4_13.htm (дата обращения 15.08.2021)

- позиционирование политическим лидером своей страны в регионах Ближнего Востока, Европы, Африки и Азии, имеющее особую значимость в свете географического расположения Египта;
- видение политическим лидером характера отношений с ближайшими соседями, в первую очередь, с крупными державами региона: Саудовской Аравией, Исламской Республикой Иран, Израилем и Турецкой Республикой, а также с крупными глобальными игроками – США, РФ и КНР. Немаловажными представляются также взаимоотношения Египта с монархиями Персидского залива и африканскими странами.

Панарабский нарратив президента Насера

Ко времени обретения независимости Египет не обладал полной свободой в выстраивании внешнеполитического курса. Начало новому этапу формирования и развития внешнеполитической концепции Египта положили события 1950-х гг., когда Каир обрёл независимость от Великобритании, подвергся тройственному нападению во время Суэцкого кризиса, начал постепенно утверждать себя как часть арабского мира и контактировать со странами социалистического лагеря. В стремлении создать новую систему с новой идентичностью Гамаль Абдель Насер и его соратники приступили к культурным, социальным, политическим и экономическим преобразованиям (Telhami, Barnett 2002: 157). Своё видение внешней политики страны её президент обозначил в книге «Философия революции». Насер выделял три круга, в которые входит Египет: арабский, исламский и африканский. Как он отмечал, «эти круги позволяют нам осознать своё место и роль» (Nasser 1959: 77-78). По сути, в этой книге Насер заложил основу своей интерпретации панарабской идеологии, которая станет одной из доминирующих в регионе.

В правление Насера панарабизм стал основной идентичностью государства, выполнявшей также функцию внутренней легитимности. К тому же панарабская идентичность использовалась для увеличения свободы манёвра режима во внешней политике, обеспечивая сплочённость и единство общества. Суэцкий кризис и национализация канала во многом предопределили внешнеполитический курс Египта. После этих событий усилились позиции и авторитет страны в арабском мире и на международной арене. Египет прочно закрепил за собой авангардные позиции в арабском освободительном движении. Международная обстановка побуждала правительство Насера к активному продвижению панарабских идей. Арабская идея стала популярной и последовательно претворялась в жизнь в форме установления египетской политической и культурной гегемонии (Ближний Восток ... 2020: 63). Насер был признан неоспоримым выразителем идей арабского национализма и за пределами Египта, что усилило тягу к объединению арабских стран. Египет, как наиболее сильная в экономическом и военном отношении страна, позиционировался региональ-

ными странами в качестве лидера арабского мира и центра его объединения. Это привело к созданию в 1958 г. Объединённой Арабской Республики (ОАР), включавшей Египет и Сирию. Президентом ОАР был избран Насер, ставший образцом для подражания для многих политиков в регионе. Особенно высока была его популярность среди революционно настроенной арабской молодёжи. Во многих странах были созданы движения Свободных офицеров, которые принимали активное участие во внутривластной жизни. Египет оказывал широкую поддержку национально-освободительным движениям в Азии и Африке.

Важной составляющей внешнеполитической идентичности Египта, а для Насера – едва ли не личным делом, была война с Израилем. Президент принимал участие в Палестинской войне 1948 г. Униженный поражением арабских стран, он принял решение бороться против сионизма (Duman 2020: 377). Насер пытался объединить под своим верховенством арабские страны для борьбы против Израиля, однако практических результатов достичь не смог. Египетское руководство продолжало наращивать военную мощь страны, считая это одной из важнейших мер укрепления могущества ОАР и обеспечения её безопасности. Армия рассматривалась в качестве эффективного инструмента реализации внешнеполитических целей государства и противостояния «сионистскому врагу» (Khawaja 2013: 44).

Расширение Каиром своего влияния и поддержка революционных настроений, а также настойчивое подчёркивание своей исключительности, непрерываемости международного опыта и политических взглядов руководителей страны, упорное навязывание лозунгов политической, экономической и военной консолидации арабского мира вокруг Египта во многих случаях вели к обратным результатам, заставляли арабских лидеров настороженно относиться к словам и делам Каира. В сущности, внешнеполитическая концепция «трёх кругов» была призвана утвердить центральную роль Египта в освобождавшемся от колониальной и полуколониальной зависимости арабском мире. Всячески подчёркивалось, что только Египет в состоянии играть роль лидера всех арабов.

В отличие от некоторых арабских государств, цель принятия Насером панарабизма была в том, чтобы взять на себя арабское лидерство, а также укрепить региональные и международные позиции Египта. Насер считал, что такая позиция может создать пространство для манёвра между великими державами и позволит его стране привлечь дополнительные ресурсы, получить экономические выгоды (Duman 2020: 376). С другой стороны, панарабская идентичность накладывала ограничения на египетскую внешнюю политику. От достигнутого политического и морального (но не военного) успеха действия руководства страны приводили к ошибочным выводам и решениям. С ростом расходов на панарабскую политику стало очевидным её несоответствие возможностям и состоянию Египта. Высокие издержки войны в Йемене и разрушительной войны

1967 г. расцениваются египетскими историками как результаты панарабской политики, которая наносила ущерб Каиру и дискредитировала его руководителей³. В 1950-е гг. прошёл пик идеологии панарабизма в Египте, а следующее десятилетие и особенно распад союза с Сирией характеризуется как эпоха отказа от этой идентичности и связанной с ней политики.

В XX в. ни один политик на Арабском Востоке не пользовался таким влиянием, как Насер. Можно констатировать, что именно он вывел Египет и арабов в целом на мировую арену. Вместе с тем приверженность Насера идее объединения арабов в условиях глубоких противоречий среди арабских государств при ориентации их внешних связей на промышленно развитые страны Европы и Америки лишала арабскую политику египетского президента перспектив. Кроме того, радикализм насеровского панарабизма, допускавшего применение силы во имя торжества идеи, в ряде случаев заводил египетскую политику в тупик. В частности, весьма негативный для имиджа Каира в арабском мире эффект имело многолетнее участие Египта в гражданской войне в Йемене. Сокрушительное военное поражение июня 1967 г. символизировало крушение социалистической и панарабской модели социального устройства на Ближнем Востоке. Война ослабила позиции ОАР в регионе. Значение Египта как центра арабского мира стало постепенно ослабевать. Насеру пришлось отказаться от претензий на руководящую роль на Арабском Востоке и пойти на серьёзные компромиссы в меарабских делах, в том числе примириться с Саудовской Аравией.

Переориентация при Садате: Египет превыше всего

Уход Насера поставил много вопросов относительно прочности режима и последовательности внутри- и внешнеполитического курса Египта. Будучи сам сподвижником Насера, новый президент Анвар Садат решительно отстранил от политики влиятельных насеристов, которые претендовали на неприемлемое для него коллективное руководство. Как и его предшественник, Садат продолжил линию на монополизацию внешней политики и консолидацию политических решений, но при этом сменил внешнеполитические ориентиры Египта. В эпоху Садата Египет отказался от панарабской идентичности; его внешняя политика выстраивалась на новой структуре идентичности. В противоположность Насеру, Садат не выдвигал претензий на лидирующую роль Египта в арабском мире. Новыми приоритетами египетского государства были заявлены патриотизм, стремление обеспечить благоприятные условия экономической либерализации ради привлечения иностранного капитала и улучшения социально-экономического положения в стране.

³ Ishaan Tharoor. How Yemen was once Egypt's Vietnam. *Washington Post*. 28.03.2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/03/28/how-yemen-was-once-egypts-vietnam/> (accessed 15.08.2021)

Консолидировав полноту власти, Садат всё чаще единолично принимал важнейшие решения, не только не советуясь с соратниками, но даже и не извещая их о своих намерениях. Для решения серьёзной проблемы он уединялся у себя резиденции и проводил там несколько дней. Американский президент Р. Никсон (Nixon 2013: 340) характеризовал египетского коллегу как человека, которому нравится думать в одиночестве. По воспоминаниям Никсона, большинство важных решений Насер принял во время долгих прогулок вдоль Нила. Он редко обменивался мнениями со своими приближёнными и министрами, так что о многом им приходилось узнавать из официальных речей президента на заседаниях или по радио. Видный советский дипломат В.М. Виноградов, проработавший долгие годы послом в Египте, также отмечал: «Садат одинок в человеческом смысле» (Виноградов 2012: 151). Советники называли президента «одиноким фараон» (Karawan 1994: 257). Он не любил читать доклады и аналитику, был склонен принимать неожиданные распоряжения, что делало его внешнеполитическое поведение непредсказуемым. Подобным образом обстоит дело с «инициативой Садата» в феврале 1971 г., когда он предложил «обменять» открытие Суэцкого канала на отвод израильских войск вглубь Синая. Другим примером может служить создание в 1971 г. Федерации арабских республик в составе Египта, Сирии и Ливии. Условия этой федерации были неряшливо сформулированы, в поспешно сделанном проекте оставалось много непродуманного и неясного. Только два человека знали о намерении президента свернуть отношения с Советским Союзом, а решение о начале войны 1973 г. было принято после обсуждения с Хафезом Асадом. Знаменитая поездка в Иерусалим и выступление в Кнессете также были личным решением Садата (Chen 2011: 97). Личность и позиция президента играли огромную роль во внешней политике Египта, особенно в нормализации отношений с Израилем. Решительность Асада, его готовность рисковать ради достижения мира в регионе имели огромное значение.

В период правления Садата активность Каира в межарабских делах постепенно сокращалась. Именно он выступил с лозунгом «Египет – во-первых, во-вторых и в-последних». Если Насер упорно говорил о своём народе как об арабах, то Садат – подчёркнуто о египтянах (Виноградов 2012: 93). При Насере националисты стремились доказать, что культуру в Египет принесли арабы, а при Садате доказывали, что пришельцы арабы восприняли богатейшую египетскую культуру. Это нашло отражение и в смене названия страны, которая после принятия в 1971 г. новой конституции стала называться Арабской Республикой Египет.

Основные внешнеполитические проблемы Каира можно представить в виде «треугольника»: освобождение оккупированных территорий – СССР – США, в котором значимость каждой стороны менялась в зависимости от конкретной ситуации. Когда Садат пришёл к власти, он не был уверен в продолжении развития отношений с СССР, поскольку недружелюбно относился к Советскому

Союзу. Советская идеология была для него неприемлема, он лишь хотел использовать противоречия в политике двух великих держав – СССР и США – в интересах Египта, в своём понимании этих интересов.

Окончание Октябрьской войны 1973 г. обозначило поворот Египта на путь политического, а в дальнейшем – и военного сближения с США и, соответственно, отхода от сотрудничества с СССР. Начался долгий, трудный и противоречивый процесс политического урегулирования арабо-израильского конфликта исходя из понимания, что Египет вряд ли выдержит ещё одну «октябрьскую победу». Это обстоятельство в значительной, если не в решающей, степени повлияло на отказ египетского президента от попыток силового решения конфликта с Израилем и предопределило его выбор в пользу политического урегулирования с ориентацией только на египетские интересы, без оглядки на другие арабские страны (Telhamy, Barnett 2002: 162). Подобное политическое мышление, естественно, вело к ослаблению роли и влияния АРЕ в арабском мире. Подписание мира с Израилем действительно привело к нормализации двусторонних отношений; были установлены дипломатические отношения, прекращён экономический бойкот Израиля. При этом в целом мир оставался «холодным», египетское общество не было готово, да и не стремилось развивать отношения с недавним противником. Между тем серьёзные социально-экономические трудности вынуждали к постепенному изменению «национального настроения». Режим Садата использовал растущую усталость от войны, чтобы установить баланс между государственными и общественными предпочтениями (Telhamy, Barnett 2002: 162).

Оценивая египетско-израильский мирный договор, следует отметить, что Садат пошёл по пути решения египетских проблем за счёт других арабских стран и ООП. Договор не создал, да и не мог создать обстановку, благоприятствующую общему арабо-израильскому урегулированию, более того, он не положил конец попыткам израильтян и арабов решать существующие проблемы силовыми методами. Большинство арабских государств осудило договор с Израилем и разорвало дипломатические отношения с АРЕ. Резко ухудшилось положение Египта в арабском мире. Вместе с тем подчеркнём, что многие меры, принятые арабскими государствами в отношении Египта, носили декларативный характер и на практике не соблюдались.

Подписывая Кэмп-Дэвидские соглашения, Садат ставил перед собой три задачи, и он их решил: вернул Синай, вышел из конфронтации с Израилем, освободив ресурсы Египта для экономического развития, переориентировался во внешней политике на США, за что получил огромную помощь в решении социально-экономических проблем. В то же время односторонняя ориентация на США привела Египет к сильной и многосторонней зависимости от Вашингтона, которая сохраняется по сей день и вынуждает нынешний режим активно диверсифицировать свою внешнюю политику. Представляется, что внешнеполитический сдвиг Египта в 70-е гг. XX в. был обусловлен не только

личностью президента, не менее важную роль сыграли внешние и внутренние условия.

Подход Мубарака: многомерная идентичность через призму примирения

Новому президенту Египта Хосни Мубараку досталось трудное внешнеполитическое наследие: изоляция в арабском мире на фоне сильной зависимости от США. Предстояло решать сложнейшую задачу по выводу АРЕ из тупика, возвращению прежних позиций на Арабском Востоке, при этом сохраняя особые отношения с Соединёнными Штатами и поддерживая мир с Израилем. Мубарак стремился создать идентичность государства, которая бы включала элементы видения двух прежних президентов. Садат и Насер определили идентичность Египта двумя различными способами, и внутривнутриполитические и внешнеполитические дискурсы, соответствующие каждой из этих двух государственных идентичностей, дали разные стратегические результаты. Устранить это противоречие было трудно. Сложнее прочих оказалась задача создания внешнеполитической идентичности. В достижении политического баланса президент настаивал на многомерной идентичности Египта больше, чем его предшественники.

Для Мубарака ни та, ни другая идентичность не была доминирующей, поэтому его внешняя и внутренняя политика не имела той ясности и согласованности, как у Садата или Насера, зато она выглядела более сбалансированной. Были декларированы приверженность международному праву, принципам ненасилия в международных делах и невмешательства в дела других государств, стремление преодолеть конфронтационность в регионе и установить цивилизованные взаимовыгодные отношения со всеми странами, восстановить региональный и международный престиж АРЕ, готовность к посреднической роли в межгосударственных конфликтах разных уровней, прежде всего на Ближнем Востоке.

В таких обстоятельствах было разумно использовать новый внешнеполитический подход. Ссылаясь на лозунги панарабской эпохи, Мубарак демонстрировал склонность к возрождению регионального влияния Египта и интерес к арабским делам. Фактически первым вызовом для его внешней политики стала нормализация отношений с арабскими странами, которые были разорваны после заключения при Садате мира с Израилем. Мубарак пытался восстановить репутацию Египта, оказывая поддержку арабским странам, особенно палестинцам, даже за счёт снижения уровня сотрудничества с Соединёнными Штатами и Израилем. Акцентировалась «неотъемлемая принадлежность Египта арабскому миру» (Shalaby 1992: 111). Одновременно утверждалось, что «никакое арабо-египетское сближение не помешает Египту хранить мир» (Ahmadian 2014: 17), зато национальная безопасность станет устойчивее, когда наступит всеобщий мир на Ближнем Востоке, а палестинская проблема будет справедливо урегули-

рована. Приоритет во внешней политике был отведён постепенному восстановлению роли и места страны в арабском мире, с тем чтобы АРЕ выступала посредником в разрешении арабо-израильского конфликта, на переговорах ООП с США и Израилем. Мубарак не стремился к возрождению египетского лидерства в регионе: «в отличие от Египта Насера, который претендовал на арабское лидерство, играя роль героя арабской революции, независимого от Запада, Египет Мубарака представлял себя в качестве балансира и стабилизатора арабского мира» (Hinnebusch, Ehteshami 2002: 205).

Египетский президент сумел шаг за шагом сгладить отрицательную реакцию на Кэмп-Дэвид и вернуть своей стране симпатии арабов. Мубарак выработал удачную формулу египетско-израильских отношений, продвигая свою роль посредника в переговорах (Hinnebusch 2003: 211). Президент подчёркивал, что стратегическая цель Египта – установление мира на Ближнем Востоке, но при этом нормализация отношений с Израилем не была поставлена в зависимость от решения палестинской проблемы. Активное участие в мирных конференциях в 1990-е и 2000-е гг. было частью этой политики. Данная позиция (а Мубарак следовал ей неукоснительно) давала возможность оказывать давление на Израиль, а в определённой степени и на США.

Каир стал проводить более гибкий внешнеполитический курс, поддерживал лишь те американские действия в регионе, которые не противоречили его национальным интересам. Египет выступил резко против Ирака во время кризиса в Персидском заливе, он принял активное участие в возглавляемой США коалиции для освобождения Кувейта и защиты Саудовской Аравии. Египетское руководство умело использовало для получения иностранной финансово-экономической помощи своё положение в арабском мире как страны крупнейшей и притом единственной, заключившей мир с Израилем. Кроме того, Египет установил особые отношения с богатыми нефтью арабскими государствами Персидского залива, особенно с Саудовской Аравией, с тем чтобы обеспечить приток финансовой и экономической помощи для решения внутренних экономических проблем.

В последнее десятилетие правления Мубарака внешняя политика Египта столкнулась с серьёзными проблемами снижения доверия со стороны общества при неспособности устранить противоречия между двумя элементами внешнеполитической идентичности. Демонстрации против внешнеполитических решений Египта свидетельствовали об углублении раскола между властью и обществом. Этот кризис проявился в противостоянии правительства и исламистских движений, которые рассматривали идентичность Египта исключительно как исламскую. Военные операции Израиля против Ливана и Газы и египетско-израильское сотрудничество в блокаде сектора нанесли Египту существенные имиджевые потери в арабском мире.

Наряду с кризисом идентичности, тот факт, что Мубарак никогда не мог поднять региональную позицию Египта до уровня, сопоставимого со времена-

ми Насера или Садата, дополнительно навредил его репутации. Элементы политического реализма и прагматизма, основанного на представлении о безусловном примате египетских национальных интересов, всё заметнее преобладали во внешнеполитическом курсе Мубарака. Это не могло вызвать понимания со стороны исламистов и арабских националистов, считавших необходимым подчинение египетских интересов более широкой повестке. Внешняя политика Мубарака была направлена прежде всего на сохранение статус-кво. Активная внешняя политика, роль регионального лидера или участие в решении палестинского вопроса не стояли на повестке дня. Именно геостратегическая сдержанность сделала Египет гарантом региональной стабильности и надёжным союзником Вашингтона (Grimm, Roll 2012: 1). Мубарак недоиспользовал региональные возможности Египта, что привело к снижению влияния его страны на международной арене. Этот процесс существенно подорвал региональную роль Египта и его способность влиять на арабскую и ближневосточную политику.

«Арабская» весна на некоторое время переориентировала внимание властей на решение внутренних проблем. Несмотря на то, что революция разразилась из-за внутренних социальных и экономических требований, она имела скрытые последствия для внешней политики. Правление Х. Мубарака свидетельствует о постепенном регрессе региональной роли Египта, и этот регресс, ухудшение внешнеполитических условий и падение статуса страны были приписаны некомпетентности президента в сочетании с его преклонным возрастом (Sabet 2017: 58). В свою очередь, это оказало влияние на всю ближневосточную систему и привело к росту влияния других региональных держав – Турции, Ирана и монархий Персидского залива. Большинство египтян разделяли мнение о том, что режим Мубарака служил не национальным интересам его страны, а интересам Тель-Авива, Эр-Рияда и Вашингтона (Droz-Vincent 2012: 1). Соответственно, ожидалось, что новые правящие элиты пересмотрят внешнеполитический выбор в пользу более независимой и напористой внешней политики.

Исламизированная самоидентификация при М. Мурси

Трансформационные процессы «арабской весны» привели к корректировке внутренней и внешней политики Египта. До своего прихода к власти «Братья-мусульмане»⁴ заявляли, что предпримут серьёзные изменения во внешней политике: прекратят курс на нормализацию отношений с Израилем, пересмотрят Кэмп-Дэвидское соглашение, снизят зависимость от США. Они выражали недовольство падением влияния Египта как на региональном, так и на глобальном уровне (Selim 2020: 12). Хотя одного года правления Мохаммеда Мурси недостаточно для оценки результатов его внешней политики, её ориентация и основы

⁴ Запрещённая в России террористическая организация.

её идентичности успели проявиться даже за столь короткий промежуток времени. Внешнеполитическая программа новой администрации и позиции Партии свободы и справедливости (ПСС) в основном соответствовали идеологии и убеждениям «Братьев-мусульман».

Идеи пересмотра внешнеполитической стратегии Египта исламистами выглядели довольно революционно. Программа ПСС от 2012 г. подчёркивала стремление Египта играть ключевую роль, заняв достойное положение в региональной и мировой политике, и, в этой связи, готовность к проведению решительной внешней политики⁵. М. Мурси в своём заявлении после избрания на пост президента страны заявил, что «построит сильный Египет и изменит его систему национальной безопасности таким образом, чтобы она соответствовала возможностям Египта и его реальному весу в арабских, исламских, африканских и международных делах ... восстановит свободу воли Египта в международных отношениях ... отменит всякое подчинение любой внешней силе»⁶.

На деле курс М. Мурси отличался от мубараковского лишь некоторыми символическими изменениями. Были предприняты скромные попытки откорректировать направление внешней политики, но в целом Мурси действовал в рамках сформировавшихся альянсов Египта, особенно в отношении США и Израиля.

Если при Мубараке политика базировалась на интеграции панарабских лозунгов в саатовскую логику защиты национальных интересов, то правительство Мурси заменило панарабизм исламизмом, включив его в логику патриотического государства. Правительство Мурси, с одной стороны, было исламистским, а с другой, действовало в логике современного государства, защищающего национальные интересы. Предпочтение было отдано прагматичному подходу, а не идеологической позиции, что резко контрастировало с политическими декларациями «Братьев-мусульман». Встала реальная проблема: восстановление региональных и международных связей не должно наносить ущерба интересам и национальной безопасности Египта. В более широком плане Мурси было трудно примирить идеологию политического ислама с прагматизмом, необходимым для эффективного проведения внешней политики (Aly 2014: 2).

Получив в наследство политические проблемы и проблемы безопасности, Мурси должен был, кроме того, найти решения для стабилизации экономики. Заинтересованность в иностранных инвестициях связывала президенту руки при проведении революционной внешней политики. Это объясняет сохранение особых отношений Египта с Саудовской Аравией и другими странами Совета сотрудничества стран Персидского залива. Первый зарубежный визит Мурси

⁵ Amr Darrag. A Revolutionary Foreign Policy. *Foreign Policy*. 16.10.2012. URL: <https://foreignpolicy.com/2012/10/16/a-revolutionary-foreign-policy/> (accessed 15.08.2021)

⁶ Maha El-Kady. 2012. Egypt's Political Transition. *The Cairo Review of Global Affairs*. URL: <https://www.thecaireview.com/texts/egypts-political-transition/> (accessed 15.08.2021)

нанёс в Саудовскую Аравию, которая вскоре предложила Каиру значительную финансовую помощь.

Преемственность «Братьев-мусульман» внешнеполитическому курсу Мубарака очевидна. Так, после своего избрания Мурси объявил, что Египет сохранит приверженность своим международным обязательствам и договорам, включая мирный договор с Израилем. Исламисты подчёркивали обязательный характер сохранения мирного договора, ссылаясь на Коран (Selim 2020: 13). Соответственно, правительство Мурси, выросшее из исламистского движения, столкнулось с противоречиями между прежними позициями и новыми реалиями. Причина заключалась в том, что для стабилизации экономического положения Египет нуждался в стабильных и предсказуемых отношениях с внешним миром.

Сохранялась также преемственность внешней политики в отношении Сирии и Ирана. По отношению к Сирии Мурси продолжил политику «Братьев-мусульман», выступив на стороне сирийской оппозиции, в которой доминировали поддерживаемые Катаром и Саудовской Аравией суннитские исламистские группировки, и выразив готовность направить войска для свержения Асада⁷. Таким же образом в отношении Ирана изменения внешнеполитического курса носили чисто символический характер. Мурси совершил визит в Тегеран в рамках саммита Движения неприсоединения, но при этом в своей речи резко раскритиковал региональную политику Ирана и его роль в сирийском кризисе, отмежевываясь от Тегерана, чтобы не раздражать Саудовскую Аравию.

О трансформации внешней политики Египта, ориентированной на идентичность в духе принципов «Братьев-мусульман», свидетельствуют усилия, направленные на достижение регионального лидерства (Grimm, Roll 2012: 1). Египет стремился укреплять отношения со странами, где у власти находились партии и движения, идейно или организационно близкие к «Братьям-мусульманам», с тем, чтобы в перспективе сформировать региональную ось в составе Египет – Турция – Катар – Судан – Тунис. В этой новой форме регионального порядка Египет рассчитывал играть ключевую роль. Однако на фоне острых внутренних проблем данная концепция не была реализована.

То же касалось и африканской политики, которой пренебрегал прежний режим. После свержения Мубарака разразился Нильский водный кризис, пошатнувший исторические права Египта на значительную долю водных ресурсов реки. Это вызвало возмущение как в обществе, так и среди политической элиты. Исторически Египет ревностно относится к попыткам пересмотра прав на использование вод Нила, поэтому и Мурси занял бескомпромиссную позицию по этой проблеме.

⁷ FSA praises Morsi's "historic" statements on Syrian regime. Al-Ahram. 16.06.2013. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/2/8/74115/World/Region/FSA-praises-Morsis-historic-statements-on-Syrian-r.aspx> (accessed 15.08.2021)

На глобальном уровне во время правления Мурси Египет проводил иную внешнюю политику по сравнению с политикой Мубарака, находясь в постоянном поиске новых потенциальных партнёров, чтобы способствовать экономическому росту и развитию путём привлечения инвестиций в страну и свести к минимуму зависимость Египта от иностранной помощи (Grimm, Roll 2012: 3). Концепция «Поворота на Восток» стала важной вехой во внешней политике Египта, и визит Мурси в Китай, как первая поездка президента за пределы Ближнего Востока, символизировал стремление к диверсификации экономических связей и привлечению дополнительного притока иностранных инвестиций. Поездка показала, что Египет рассматривает Азию, и особенно Китай, как важного политического и экономического партнёра. Отметим, что внешнеэкономическая стратегия Мурси поначалу не была нацелена на сохранение и улучшение отношений с США.

Однако кардинального изменения внешнеполитического курса Египта не произошло. В Вашингтоне стремились установить контакты с исламистами в контексте прагматичной политики, направленной на стабилизацию Египта. Не менее важно и то, что Соединённые Штаты рассматривали «Братьев-мусульман» как стратегическую опору своей региональной стратегии по объединению и мобилизации суннитских арабских сил для противостояния шиитскому Ирану и его союзникам (Selim 2020: 14). Со своей стороны, Мурси и «Братьям-мусульманам» необходимо было обеспечить признание Соединёнными Штатами своего прихода к власти в Египте.

В отличие от эпохи Мубарака, когда государственный патриотизм был движущей силой внешней политики, а панарабские лозунги формировали лишь внешний её слой, Мурси использовал исламскую идентичность для формирования контуров внешней политики. Он так и не смог примирить прагматизм, необходимый для эффективного проведения внешней политики, с идеологией политического ислама. Внешняя политика Мурси была, в целом, не идеологическая, а прагматическая и направлена на обеспечение будущего Египта, особенно в экономическом плане. Сложная внутривнутриполитическая ситуация, беспокойная обстановка в области безопасности, углубляющийся экономический кризис привели к снижению внутренней поддержки президента. Его внешнеполитический курс успеха не имел. Напротив, произошло ослабление позиций Египта в регионе и в мире в целом. В течение своего короткого президентского срока Мурси не смог взять контроль над основными инструментами внешней политики. Армия сохранила свою независимость, разведывательные структуры противились стремлению «Братьев-мусульман» к гегемонии, а бюрократия Министерства иностранных дел тайно сопротивлялась попыткам новых правителей Египта проникнуть в её ряды. Как отмечал бывший министр иностранных дел страны Набиль Фахми, Мурси был больше озабочен политикой, приоритетами и дискурсом «Братьев-мусульман», чем исполнением обязанностей президента (Ahmadian 2014: 23).

Новое видение идентичности при ас-Сиси: переход к «новому Египту»

Вступив в должность в июне 2014 г. после окончания периода правления временного правительства, президент Абдель Фаттах ас-Сиси поставил задачу расширения глобальных возможностей и защиты интересов страны, с опорой на традиции участия в различных конфигурациях международной системы (Alu 2014: 4–5). Принимая во внимание растущее влияние общественного мнения, президент предпринял множество шагов как внутри страны, так и за её пределами, чтобы укрепить сильные стороны внешней политики Египта, сочетая их с большей гибкостью и прагматизмом. Приход к власти президента А.Ф. ас-Сиси ознаменовался диверсификацией внешнеполитических связей, а также активизацией региональной политики, что можно рассматривать и как своего рода попытку компенсировать неудачи в решении проблем внутривосточного и социально-экономического развития.

Формулируя направление внешней политики Египта в эпоху после 30 июня 2013 г.⁸, ас-Сиси провозгласил, что национальные интересы Египта следует поставить выше интересов глобальных и региональных союзников. Ключевые принципы его доктрины: 1) сбалансированные отношения с великими державами и ключевыми региональными игроками, то есть стратегические отношения Каира с Вашингтоном не должны препятствовать развитию связей с другими мировыми державами, такими как Россия и Китай; 2) уважение традиционных представлений о суверенитете и невмешательстве, отказ от уступок внешним силам или державам при проведении внутренней политики Египта, в которую никто не должен вмешиваться; 3) утверждение националистического подхода к формированию внешней политики, т.е. подразумевается, что внешнеполитический курс на укрепление стабильности политического строя и усиление роли государства и подтверждение свободы манёвра Египта в региональной политике в условиях складывания новой конфигурации международных отношений в регионе и нового регионального порядка; 4) сосредоточение на борьбе с угрозами национальной безопасности и акцент на противостоянии трансграничному терроризму⁹. Заявления ас-Сиси косвенно отражают очень важную новую тенденцию: появилось понимание, что национальная безопасность отдельных арабских стран может быть достигнута только в рамках общей региональной системы безопасности¹⁰. На сегодняшний день идёт сложная дискуссия о создании и функционировании системы безопасности в регионе¹¹.

⁸ В этот день произошли события, ставшие прологом к отстранению организации «Братьев-мусульман» от управления страной, отставке президента Мухаммеда Мурси и возвращению к власти военных во главе с А.Ф. ас-Сиси.

⁹ Giuseppe Dentice. Shifting Priorities: The Evolution of Egypt's Foreign Policy. *ISPI*. 24.09.2020. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/shifting-priorities-evolution-egypts-foreign-policy-27409> (accessed 15.08.2021)

¹⁰ Sisi: Egypt and Saudi are leaders of Arab security. *AlArabiya News*. 30.07.2015. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2015/07/30/FM-Egypt-Saudi-solidarity-key-to-protect-regional-security-> (accessed 15.08.2021)

Сиси без промедления заверил Израиль в приверженности своего правительства мирному договору 1979 г. между Каиром и Тель-Авивом, особенно с учётом актуальных проблем безопасности на Синайском полуострове. В основе доверия Тель-Авива к ас-Сиси лежит негативное отношение нового египетского президента к ХАМАС (тесные отношения Мурси и «Братьев-мусульман» с этим движением были источником постоянного беспокойства Израиля). Для разрешения вопросов раздела вод Нила президент стремится конструктивно взаимодействовать с Эфиопией и Суданом. Египет уже целое десятилетие ведёт безуспешные переговоры по снижению рисков от строительства ГЭС «Возрождение»¹². Каир с пониманием относится к доводам Эфиопии о том, что подобные проекты имеют решающее значение для роста её экономики, но в то же время он не намерен заключать соглашения, которые уменьшили бы его нынешнюю долю владений водными ресурсами Нила.

В связи с необходимостью уделять приоритетное внимание стабилизации экономики, правительство предприняло попытки улучшить восприятие страны иностранными инвесторами и туристами. Частично восстановить доверие, подорванное последствиями экономического кризиса, удалось благодаря щедрой помощи, которую предоставили Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт. Новому режиму удалось запустить ряд крупных инфраструктурных проектов.

В представлении ас-Сиси, стране нужно сменить имидж, с тем чтобы вместо религиозно ориентированного революционного государства на международную арену вышел «новый Египет», готовый ответить на политические и экономические вызовы, как и на вызовы в сфере безопасности, а каждый гражданин будет обладать многослойной идентичностью (Winter, Shiloah 2019: 70). Важным шагом в этом направлении стало утверждение национального плана устойчивого развития «Видение Египта – 2030», в котором провозглашены основные национальные цели: модернизация и реформа. Предусматривается поощрение активной гражданской позиции и позитивного участия всех слоёв общества в развитии страны. Пристальное внимание уделено вопросам расширения прав и возможностей, равенства и социальной справедливости¹³. Каир придаёт большое значение сотрудничеству с Международным валютным фондом (МВФ), полагая, что это сотрудничество поможет вернуть в страну иностранных инвесторов и туристов.

С 2011 г. геополитическая обстановка на Ближнем Востоке ухудшилась. В регионе много нестабильных государств: Ливия, Судан, Ирак, Сирия, Ливан и Палестина, что заметно повышает уязвимость Египта. Руководство страны

¹¹ Peter Jones. It is Time to Establish a Middle East Regional Security System. *The Cairo Review of Global Affairs*. 24.04. 2020 URL: <https://www.thecaireview.com/essays/it-is-time-to-establish-a-middle-east-regional-security-system/> (accessed 15.08.2021)

¹² Строящаяся крупнейшая гидроэлектростанция с в Эфиопии около границы с Суданом, расположена на реке Голубой Нил, правом притоке Нила. С 2011 г. является предметом спора между Египтом, Эфиопией и Суданом.

¹³ Egypt Vision 2030. URL: <https://mped.gov.eg/EgyptVision?lang=en> (accessed 15.08.2021)

рассматривает Ближний Восток и Северную Африку как регион хаоса, нестабильности и военных конфликтов¹⁴, выступая за политическое урегулирование кризисных ситуаций, за сохранение государственности и институтов власти в нестабильных странах¹⁵.

Неуверенность в своём политическом будущем отягощала публичный дискурс в Египте. В этих обстоятельствах ас-Сиси выдвинул три новые идеи: во-первых, египетская политика должна заняться управлением человеческим и материальным богатством страны; во-вторых, следует отказаться от изоляционизма, а вместо этого упрочить альянс с государствами Персидского залива с перспективой создания региональной системы безопасности¹⁶; в-третьих, пора прекратить навязчивое заикливание на прошлом, а перевести взгляд на будущее.

С приходом к власти ас-Сиси наблюдается гораздо более высокая степень ответственности между внешней и внутренней политикой страны. На Ближнем Востоке и в Северной Африке руководство Египта стремится генерировать новые подходы для закрепления своей роли в регионе через гибкую модель, которая содержит в себе основные компоненты национальной и внешнеполитической идентичности. Каир уделяет первостепенное внимание внутреннему развитию страны и одновременно работает над созданием благоприятной внешней среды для этой повестки, делая акцент на поддержании мира с Израилем и укреплении связей с арабскими государствами Персидского залива, которые рассматриваются как ключ к продвижению национальных интересов Египта не только в экономике, но и в перестройке отношений с Западом и даже с Африкой. Внутренние проблемы не позволяют Каиру проводить более самостоятельную политику, зачастую ему приходится жертвовать внешнеполитическими амбициями ради экономических выгод. Но если египетская экономика не будет способна удовлетворять потребности населения, в стране может подняться новая волна протестов. Поэтому А.Ф. ас-Сиси и его администрация и в дальнейшем будут прагматично подходить к региональной политике АРЕ, концентрируя усилия на борьбе угрозами стабильности (терроризм, исламский радикализм) и на углублении сотрудничества с государствами-донорами.

* * *

Проведённое исследование показало, что за период после обретения независимости внешнеполитические ориентиры Египта отражали различные установки лидеров страны, их понимание национальных интересов и конъюнктурных

¹⁴ Mohamed Kamal. 2018. The Middle East According to Egypt. *The Cairo Review of Global Affairs*. URL: <https://www.thecaireview.com/essays/the-middle-east-according-to-egypt/> (accessed 15.08.2021)

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Sara Kira. Analysis: Egypt and Regional Security. *Egypt Today*. 17.05.2017. URL: <https://www.egypttoday.com/Article/1/4915/Analysis-Egypt-and-Regional-Security> (accessed 15.08.2021)

потребностей. При всей изменчивости, внешнеполитический курс сохранял определённую преемственность, отражая роль Египта как лидера арабского мира. Готовность взять на себя бремя ответственности за судьбы региона проявлялась не у всех египетских лидеров. Соотношение представлений о Египте как о стране, движимой собственными интересами, или стране, играющей некую наднациональную роль, лежит в основе позиционирования АРЕ на внешнеполитической арене. Египетские лидеры пытались установить соответствие между требованиями своей эпохи и общественными запросами, что на практике оказалось крайне сложным делом.

Египет имеет долгую историю авторитарного правления, поэтому невозможно отделить национальную идентичность от внешнеполитической. Широчайшие полномочия президента страны в проведении внешней политики предопределяют исключительное влияние на неё личностного фактора. Как показано в настоящей работе, развитие идентичности через переопределение национальных интересов задавало направление внешней политики Египта, так что любая трансформация идентичности на уровне правящих элит меняла внешнюю политику Египта. Другими словами: поскольку идентичности определяют интересы, каковые, в свою очередь, формируют внешнюю политику, постольку фундаментальные изменения во внешней политике Египта прослеживаются в изменении идентичности.

Несмотря на эти ограничения, пример Египта показывает, что факторы политической идентичности, такие как роль лидера, чрезвычайно важны при формировании внешней политики страны, хотя и не имеют решающего значения в каждом конкретном случае.

Об авторе:

Ибрагим Эминович Ибрагимов – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. E-mail: lbragim07_93@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 329.73
Received: June 11, 2021
Accepted: August 10, 2021

The Role of Leaders in Formulation of the Foreign Policy Identity in Egypt

I.E. Ibragimov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-4-79-70-90](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-70-90)

Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO)

Abstract: The features of the formation of the of the state explains the high level of interest in this scientific problem in the modern theory of international relations. The study of foreign policy identity is capable of providing an understanding of the policy-making activity of the state and its positioning in the international arena.

The process of forming a foreign policy identity linked to both objective and subjective factors. The objective factors should be classified as geographical, historical, cultural and religious, the key subjective factors can be considered the role of a leader.

This factor is standard for Middle Eastern states, especially for Egypt, where there are traditions of strong centralized powers. Egyptian leaders have supreme power in foreign policy decisions within the framework of the political system. Egypt's foreign policy is often determined by the personal character traits of the country's leaders.

This article aims to study the role of the head of the Egypt in the search for foreign policy identity in the context of an identity crisis at the national level. Egypt has a long history of authoritarian rule, because it is impossible to separate national identity from foreign policy identity. Since its independent existence, each period with its own context established a different framework of identity and worldview for decision-makers in the field of Egypt's foreign policy. The predominance of various elements in ideological as well as worldview in the age of the rule of a particular president has led to noticeable differences in Egypt's foreign policy at the current stage.

This article attempts to answer the following research questions: What place does of the institute of the heads of State in foreign policy decisions? How leader's influence does determine the foreign policy role of the state? What changes in foreign policy priorities have taken place during the analysis period? What are the reasons for the differences between the main periods of Egypt's foreign policy in goals, tools and approaches to the outside world? The author comes to the conclusion that the change of the political leader plays an important role in the transformations of Egypt's foreign policy. The article analyzes the main trends in the foreign policy self-perception of Egypt in order to confirm the hypothesis that the foreign policy identity of Egypt had not evolved a discontinuity even in the conditions of dramatic events, whether it is the Arab-Israeli conflict, the Peace treaty with Israel or the events of the Arab Spring.

Keywords: foreign policy identity, role of leadership, Egypt, foreign policy, Middle East

About the author:

Ibragim E. Ibragimov – Junior Research fellow at the Center for the Middle East Studies, IMEMO RAS. E-mail: ibragim07_93@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Ahmadian H. 2014. Egyptian Foreign Policy Identities. *Iranian Review of Foreign Affairs*. 5(3). P. 5-31.
- Aly A. M.S. 2014. Post-Revolution Egyptian Foreign Policy. *Middle East Brief*. №86. P. 1-100
- Chen T. 2011. Four Points toward the Understanding of Egypt's Foreign Relations. *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 5(1). P. 83-101. DOI: 10.1080/19370679.2011.12023175
- Droz-Vincent P.A. 2012. Post-Revolutionary Egyptian Foreign Policy? Not Yet. *The German Marshall Fund of the United States (GMF)*. P. 1-3.
- Duman A.H. 2020. Leaders and Egyptian Foreign Policy: Individual Factors During Nasser and Morsi Periods. *Ortadoğu Etütleri*. 12(2). P. 369-389.
- Dyson S. B., Preston T. 2006. Individual Characteristics of Political Leaders and the Use of Analogy in Foreign Policy Decision Making. *Political Psychology*. 27(2). P. 265-288. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2006.00006.x
- Grimm J., Roll S. 2012. Egyptian Foreign Policy under Mohamed Morsi: Domestic Considerations and Economic Constraints. *SWP Comments*. №35. P. 1-3.
- Hermann M.G. 1980. Explaining Foreign Policy Behavior Using the Personal Characteristics of Political Leaders. *International Studies Quarterly*. 24(1). P. 7-46. DOI: 10.2307/2600126
- Hermann M.G., Hermann C.F. 1989. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry. *International Studies Quarterly*. 33(4). P. 361-387. DOI: 10.2307/2600518
- Hinnebusch R.A., Ehteshami A. 2002. *The Foreign Policies of Middle East States*. Lynne Rienner Publishers. 381 p.
- Hinnebusch R. 2003. *The International Politics of the Middle East*. Manchester University Press. 262 p.
- Karawan I. 2005. Foreign Policy Restructuring: Egypt's Disengagement from the Arab-Israeli Conflict Revisited. *Cambridge Review of International Affairs*. 18(3). P. 325-338. DOI: 10.22718/kga.2019.3.1.183
- Karawan I.A. 1994. Sadat and the Egyptian-Israeli Peace Revisited. *International Journal of Middle East Studies*. 26(2). C. 249-266.
- Khawaja N.A. 2013. Egypt's Foreign Policy Analysis: From Nasser to Morsi. *Pakistan Horizon*. 66(1/2). P. 43-63.
- Korany B. 2012. *Egypt: Between Overstretch and Pivotalness in Its Foreign Policy. Diplomacy and Developing Nations: Post-Cold War Foreign Policy-Making Structures and Processes*. Routledge. 296 p.
- Mellor N. 2015. *Egyptian Dream*. Edinburgh University Press. 200 p.
- Nasser G.A. 1959. *The Philosophy of the Revolution*. New York. 119 p.
- Nixon R. 2013. *Leaders: Profiles and Reminiscences of Men Who Have Shaped the Modern World*. Simon and Schuster.
- Sabet A.G.E. 2017. Geopolitics of identity: Egypt's lost peace. *Contemporary Arab Affairs*. 10(1). C. 51-92.
- Selim G.M. 2020. Egyptian Foreign Policy after the 2011 Revolution: the Dynamics of Continuity and Change. *British Journal of Middle Eastern Studies*. P. 1-22. DOI: 10.1080/13530194.2020.1747983
- Shalaby E.S.A. 1992. Egypt's Foreign Policy 1952-1992: Some Personal Reflections. *Bulletin of Peace Proposals*. 23(3). P. 107-115.

Shama N. 2013. *Egyptian Foreign Policy from Mubarak to Morsi: Against the National Interest*. Routledge. 280 p.

Telhami S., Barnett M.N. 2002. *Identity and Foreign Policy in the Middle East*. Cornell University Press. 224 p.

Blizhnij Vostok: Politika i identichnost' [The Middle East: Politics and Identity]. 2020. Collective monograph edited by I. D. Zvyagelskaya. IMEMO RAS. Moscow: Publishing house "Aspect Press". 336 p.

Vinogradov V.M. 2012. *Egipet: Ot Nasera k Oktyabr'skoj vojne*. Iz arhiva posla [Egypt: from Nasser to the October War]. From the ambassador's archive. Moscow: IV RAS. 216 p.

Drobot G. A. 2018. Ponyatie liderstva i inyh form vlasti i vliyaniya v mirovoj politike [The Concept of Leadership and Other Forms of Power and Influence in World Politics]. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 3(3). P. 9-13.

Zvyagelskaya I. D. et al. 2019. Gosudarstva Blizhnego Vostoka v poiskah vneshnepoliticheskoy identichnosti [The States of the Middle East in Search of a Foreign Policy Identity]. *World Economy and International Relations*. 63(9). P. 93-103. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-93-103

Rozhkova L. V. 2018. Rol' politicheskogo lidera v formirovanii vneshnepoliticheskogo kursa [The Role of a Political Leader in Shaping the Foreign Policy Course]. *Bulletin of the Penza State University*. 1(21). P. 50-53.

Hermann M. D. 1991. Stili liderstva v formirovanii vneshnej politiki [Leadership styles in the formation of Pforeign policy]. *Polis. Political Studies*. 1(1). p. 91-98.

Список литературы на русском языке:

Ближний Восток: Политика и идентичность. 2020. Коллективная монография под ред. И.Д. Звягельской. ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 336 с.

Виноградов В.М. 2012. *Египет: От Насера к Октябрьской войне*. Из архива посла. Москва: ИВ РАН. 216 с.

Дробот Г.А. 2018. Понятие лидерства и иных форм власти и влияния в мировой политике. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 3(3). С. 9-13.

Звягельская И.Д. и др. 2019. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(9). С. 93-103. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-93-103

Рожкова Л.В. 2018. Роль политического лидера в формировании внешнеполитического курса. *Вестник Пензенского государственного университета*. 1(21). С. 50-53.

Херманн М.Д. 1991. Стили лидерства в формировании внешней политики. *Полис. Политические исследования*. 1(1). С. 91-98.